

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГЕНТНОСТЬ ЖЕНЩИН: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

Д.М. Айкенова

Международный университет Астана, Астана, Казахстан

E-mail: aikenova.dina@gmail.com

Аннотация. Участие женщин в политике сегодня оценивается преимущественно через их численную долю в органах власти, тогда как способность женщин-политиков выступать самостоятельными акторами, формулировать повестку, находить союзников и влиять на выработку решений, остается вне анализа. Только количественный рост присутствия женщин в представительных институтах не сопровождается автоматическим расширением их фактического влияния, а разрыв между дескриптивным и субстантивным представительством перестал сокращаться. Цель исследования – концептуализировать понятие политической агентности женщин как несводимой к присутствию величины, опосредующей переход от численного представительства к содержательному, и выявить институциональные условия ее реализации на материале Казахстана. Теоретическую рамку образуют типология представительства Х. Питкин, «политика присутствия» А. Филлипс, концепция токенизма Р. Кантер, теории критической массы и критических акторов, а также трактовки агентности Э. Гидденса, М. Эмирбайера и Э. Мише, Н. Кабир. Методом исследования является проведенный контент-анализ 1999 актов законотворческой и контрольной деятельности (депутатских запросов) 17 женщин-депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан VIII созыва, классифицированных по семи предметным областям. Результаты выявляют выраженную тематическую асимметрию: около 45% активности сосредоточено в социально-культурной сфере, тогда как традиционно «мужские» области (экономика, финансы, законодательство) осваиваются лишь отдельными «критическими акторами»; при этом объем активности не тождествен тематической автономии. Совокупная 30-процентная квота обеспечивает вход женщин в институт, но не их распределение по ключевым позициям. Полученные выводы приобретают особую значимость в связи с конституционной реформой 2026 г., заменившей двухпалатный Парламент однопалатным Курултаем: сохранение прежней совокупной квоты в преддверии выборов 23 августа 2026 г. позволяет прогнозировать воспроизводство разрыва между присутствием и влиянием и в новом органе.

Поступила: 10.07.2026; Принята: 25.09.2026; Доступна онлайн: 30.09.2026

Ключевые слова: политическая агентность, гендерные квоты, политическое представительство женщин, политическая самоэффективность, дескриптивное представительство, субстантивное представительство, токенизм, ролевая инкапсуляция, политика присутствия, гендерная специализация, Мажилис Парламента РК.

Введение

Участие женщин в политике признается сегодня одним из ключевых индикаторов качества демократии и зрелости политической системы. Пекинская платформа действий 1995 г. включила доступ женщин к принятию решений в число самостоятельных целей развития, а Цель устойчивого развития 5.5 закрепила требование равных возможностей для лидерства на всех уровнях. Тридцать лет спустя женщины возглавляют государство или правительство в 25 странах, занимают 27,2% парламентских мандатов и 22,9% министерских постов [1]. В целом различие между нормативной и фактической частями не является новым явлением, но примечательно, что этот разрыв перестал сокращаться.

Вместе с тем на протяжении последних десятилетий исследовательский фокус закономерно сместился с фиксации численного присутствия женщин в органах власти к анализу их политической субъектности, то есть способности выступать в политике самостоятельными акторами, обладающими собственным голосом, повесткой и возможностью влиять на выработку решений. Данная проблематика приобретает особую актуальность для государств Центральной Азии, включая Казахстан, где в последние годы были институционализированы гендерные квоты, а вопрос о представленности женщин в политике стал элементом официальной повестки и международных обязательств страны [2]. Вместе с тем количественный рост присутствия женщин в представительных органах не сопровождается автоматическим расширением их фактического влияния: женщины все чаще оказываются включенными в состав институтов, оставаясь при этом слабо представленными на высших руководящих позициях, где принимаются стратегические решения [3], [4]. Именно это несоответствие между присутствием и влиянием делает концепт агентности продуктивным инструментом анализа, позволяющим выявить институциональные и неформальные условия, при которых формальное представительство конвертируется в подлинную политическую субъектность.

Центральная проблема исследования состоит в разрыве между дескриптивным представительством женщин (их численной долей в институтах власти) и их субстантивным представительством и агентностью (реальной способностью формировать повестку и влиять на решения). Опыт многих стран показывает, что рост числа женщин-депутатов не транслируется автоматически в изменение содержания политики и в укрепление политической субъектности женщин.

Таким образом, численное присутствие женщин выступает необходимым, но недостаточным условием их политической агентности. Возникает исследовательский вопрос: при каких институциональных условиях формальное присутствие женщин в политике конвертируется в содержательное влияние и подлинную политическую субъектность? Ответ на него требует различения уровней представительства и анализа механизмов, прежде всего гендерных квот, которые призваны обеспечивать это присутствие.

Цель исследования заключается в попытке концептуализировать понятие политической агентности женщин и выявить институциональные условия ее реализации, используя в качестве эмпирической иллюстрации опыт Казахстана. Достижение этой цели предполагает решение трех задач: во-первых, уточнить содержание понятия «агентность» применительно к политическому представительству; во-вторых, соотнести эти понятия с теорией политического представительства и концепцией «критической массы»; в-третьих, проанализировать, как институциональный дизайн гендерных квот влияет на переход от присутствия к влиянию.

Присутствие женщин в составе представительного органа не означает, что орган будет действовать в интересах всех представляемых групп, тех же женщин. Так Х. Питкин, выделила 4 вида представительства (формалистическое, дескриптивное, символическое и субстантивное), считала, что из того, что человек кем-то *является*, не следует, что он что-то *делает*; за сходство нельзя нести ответственность, а представительство - это прежде всего деятельность [5].

Таблица 1. Виды представительства по Х. Питкин

№	Вид представительства	Что делает представитель?	Ключевой критерий/вопрос
1	Формалистическое	Формальные механизмы и процедуры посредством выборов, назначения	Есть ли у представителя формальное право действовать и несет ли он ответственность?
2	Дескриптивное	«замещение» представляемых благодаря сходству с ними. Орган должен отражать состав населения (пол, раса, класс, регион, мнения)	Насколько точно орган отражает состав населения?
3	Символическое	Представитель - «символ», как флаг, замещающий нацию. Опора на чувства, веру и признание, а не на фактическое соответствие	Верят ли люди в символ и отождествляют ли себя с ним?
4	Субстантивное (содержательное)	Представительство как «действие в интересах» представляемых. Смещение акцента с того, кем представитель является, на то, что он делает	Действует ли представитель в интересах представляемых, откликаясь на них?

Примечание: составлено автором на основе источника [5].

Продолжая идеи Х.Питкин, А.Филлипс обосновывает несостоятельным подход традиционной демократии, опирающийся на «политику идей», программы и мнения. Она считает, что необходима «политика присутствия» (дескриптивного представительства), когда в органах власти должны присутствовать женщины-политики, люди с инвалидностью и молодежь. При «политике идей» большинство мест занимают мужчины, которые не состоянием адекватно артикулировать скрытые, еще не сформированные интересы женщин и других групп. Одновременно с этим, А.Филлипс отмечает, что, к примеру, женщины-политики не имеют единого мнения на все события, но их общий социальный опыт порождает круг проблем, которые мужчинами просто игнорируются [6]. Как результат, вводятся в обсуждение либо издаются законы против домашнего насилия, декретов, медицинских осмотров и т.д.

В данном контексте Р.Кантер отмечала эффект токенизма, где token с английского переводится как жетон, символ, знак. Токен – это представитель малочисленной категории, «за женщин», «за молодых», «за людей с инвалидностью». Когда представителей определенной категории мало в организации, то они находятся под одним из трех перцептивных механизмов токенизма [7].

Таблица 2. Три перцептивных механизма токенизма

№	Механизм	Что происходит	Следствие для токена
1	Видимость	Токен привлекает много внимания и любое его действие рассматривается под лупой	Любое действие или работа рассматривается строже. Ошибка, допущенная 1 представителем, распространяется на всех
2	Контраст	Доминанты, столкнувшись с отличием от других, начинают объединяться	Подчеркивание общей культуры, проверка на лояльность токена либо его изоляция
3	Ассимиляция	Восприятие токен подгоняется под готовый стереотип категории	Поведение подгоняется под узкий шаблон, ролевая инкапсуляция

Примечание: составлено автором на основе источника [7].

Как результат меньшинства, токен-женщина попадает в одну из 4х ролевых ловушек.

1. Мать (mother), выполняя роль эмоциональной опоры, одновременно теряя экспертность;
2. Соблазнительница (seductress), воспринимаемая через внешнюю, сексуальную привлекательность, а профессиональные достижения опираются на отношения;
3. Талисман (pet), милый представитель, получающий снисходительное одобрение;
4. Железная леди (Iron Maiden), обвиняемая в холодности и агрессивности, социальной дистанции [7].

Анализ женских архетипов депутатов Мажилиса в работе Д.Айкеновой [8] подтверждает идеи Кантер. Архетип «Матери», который фиксируется в самопозиционировании депутатов Мажилиса, - это ровно кантеровская ролевая ловушка. Преобладание же «Мудрой женщины» читается как уклонение от всех четырех шаблонов через профессиональную экспертность, то есть как стратегия оспаривания ролевой инкапсуляции.

Д.Далеруп перенесла схему трех механизмов Кантер на политику на основе скандинавского материала и выявила переход из малого в большое меньшинство с порогом в 30% [9], [10]. Переход между ними меняет не положение отдельной женщины, а саму логику группы, поскольку становятся возможны коалиции, распределение ролей и влияние на институциональную культуру. Линию продолжили С. Чайлдс и М.Л. Крук [11], сместившие вопрос с того, когда женщины начинают что-то менять, на то, кто именно и при каких условиях выступает критическим актором. К. Брэттон [12] показала на материале законодательных собраний американских штатов, что женщины-токены бывают результативны и в асимметричных группах, что подрывает прямую зависимость влияния от доли.

Таким образом, численное присутствие само по себе влияния не производит. Между численной долей и содержательным результатом лежит, следовательно, третья величина: способность женщины-политика действовать вопреки институциональным ограничениям - формулировать собственную позицию, находить союзников, распоряжаться ресурсами кампании, выходить в публичное поле. Эту способность и обозначает понятие политической агентности.

Агентность как категория. Агентность определяется как способность индивида или группы действовать и влиять на социальную реальность. У Э. Гидденса [13] она неотделима от структуры: субъект одновременно воспроизводит и трансформирует условия собственного действия. М. Эмирбайер и Э. Мише [14] разложили ее на итеративный, проективный и практически-оценочный аспекты, превратив тем самым агентность в переменную величину за счет «хордальной тройственности» агентности. Итеративный аспект - это ориентация на прошлое, когда агентность проявляется в поддержании идентичностей, взаимодействий и институтов во времени. Проективный аспект, с ориентацией на будущее, генерирует возможные траектории действия и вырабатывает новые цели. Практически-оценочный аспект связан с решением, суждением, реакцией на конкретную ситуацию здесь-и-сейчас, где абстрактные схемы прошлого и проекты будущего должны быть применены к живой, неопределенной действительности.

Именно «хордальная тройственность» агентности задает три темпоральных режима, в которых может разворачиваться субстантивное представительство Х.Питкин.

В схеме Н. Кабир [15] ресурсы задают предпосылки, достижения фиксируют результат, агентность описывает процесс между ними - формулирование и реализацию стратегического жизненного выбора. В политике с точки зрения функционирования политической системы этот процесс состоит из осознания собственных интересов, способности их артикулировать и действия в их защиту, от голосования до посредничества и мобилизации.

Вход женщин в формальные политические институты не превращается автоматически во влияние. Сложность переплетения норм мужского и женского, традиций и культуры имеет временной характер, а принятие решений не формируется молниеносно на основе атрибутов, которые индивиды-субъекты политики приносят с собой извне.

Й. Эрикссон и Л. Фрайденвалль [16] предложили типологию гендерных институциональных ограничений, разложив их по трем вложенным сферам: социальной (образование, занятость, семья), политической (избирательная система, законы, определяющие политические отношения и роли) и субполитической (взаимодействие внутри парламента, исполнительная власть, региональные и местные органы и собрания).

Материалы и методы исследования. Исследование построено на эмпирической иллюстрации дескриптивного и субстантивного представительства посредством контент-анализа запросов женщин-депутатов Мажилиса Парламента РК VIII созыва. Данные были получены с сайта parlam.kz. Всего за созыв было подготовлено 1880 запросов, большинство были групповыми. Единицей анализа выступает отдельный документально зафиксированный акт законотворческой и контрольной деятельности депутата (депутатский запрос). Генеральную совокупность образуют такие акты женщин-депутатов действующего созыва Мажилиса, часть запросов были подготовлены в группе нескольких женщин. Опираясь на 7 комитетов Мажилиса, все запросы на основе содержания были поделены на следующие рубрики:

- социальная политика и культура, в том числе гендер;
- экономика;
- экология и природопользование;
- безопасность и международные отношения;
- сельское хозяйство;
- законодательство и судебно-правовая реформа;
- финансы и бюджет.

Часть запросов не подходило под эти рубрики.

В терминах Н. Кабир депутатский запрос представляет собой «достижение» - результат, за которым стоит не наблюдаемый напрямую процесс агентности.

Результаты и обсуждение. Распределение 1999 актов законотворческой и контрольной деятельности 17 женщин-депутатов Мажилиса по семи предметным областям представлено в таблице 3. В среднем на одного депутата приходится 117,6 акта при значительном разбросе - от 11 (Имашева С.В.) до 328 (Смирнова И.В.), что уже само по себе указывает на неоднородность агентного потенциала внутри численно единой группы.

Таблица 3. Распределение законотворческой и контрольной активности женщин-депутатов Мажилиса по предметным областям

Депутат	Социалитика и культура	Экономика	Экология и природопользование	Безопасность и международные отношения	Сельское хозяйство	Законодательство и судебно-правовая реформа	Финансы и бюджет	Не входят в группы	ВСЕГО
Дементьева Н.Г.	15	5	3	2	1	1	1	0	28
Еспаева Д.М.	52	90	13	6	10	19	36	0	226
Имашева С.В.	6	2	2	0	0	1	0	0	11
Абден К.Ж.	58	26	18	2	61	4	6	1	176
Ким В.А.	13	4	2	1	0	0	2	0	22
Куспан А.С.	35	20	13	9	5	21	14	4	121
Кучинская Ю.В.	18	16	6	3	8	4	1	1	57
Савельева Т.М.	10	0	1	0	0	1	3	0	15
Сагандыкова А.Б.	138	30	20	10	14	13	9	4	238
Смирнова И.В.	168	50	22	14	17	23	25	9	328
Смолякова Е.С.	23	13	1	2	0	2	5	0	46
Смышляева Е.В.	26	19	6	0	1	8	1	2	63
Тау Н.	115	43	26	12	12	10	17	2	237
Шапак У.	61	31	15	9	2	13	10	4	145

Нурым Г.А.	91	12	8	4	5	3	5	1	129
Мусралимова А.Е.	48	12	8	7	5	2	6	0	88
Наумова Д.Р.	30	17	1	3	5	3	10	0	69
ИТОГО	907	390	165	84	146	128	151	28	1999

Примечание: составлено автором.

Агрегированное распределение демонстрирует выраженную асимметрию. Почти половина всей активности, 907 из 1999 (45,4%) актов, сосредоточены в области социально-культурного развития; далее следуют экономика (390; 19,5%); экология и природопользование (165; 8,3%); финансы и бюджет (151; 7,6%); сельское хозяйство (146; 7,3%); законодательство (128; 6,4%); наименее затронуты вопросы международных отношений и безопасности (84; 4,2%).

Эта картина прямо согласуется с концепцией ролевой инкапсуляции Р. Кантер и с эффектом гендерной специализации: женщины-депутаты преимущественно действуют в «мягких», социально ориентированных темах, тех, что традиционно закреплены за архетипом «Матери» и легитимируются как «женская» повестка. Концентрация в социально-культурной сфере воспроизводит на уровне парламентского поведения ту же логику, которую фиксировала Д.Айкенова в самопозиционировании депутатов Мажилиса. В терминах Х. Питкин это означает, что дескриптивное присутствие конвертируется в субстантивное представительство преимущественно в узком тематическом сегменте, а не по всему полю политических решений.

Наряду с депутатами, у которых социально-культурная тематика поглощает свыше двух третей активности (Нурым Г.А. - 70,5 %; Савельева Т.М. - 66,7 %; Ким В.А. - 59,1 %), присутствует группа, чьи профили выходят за пределы «женского» домена. Наиболее показательна Еспаева Д.М., у которой доминирует не социальная, а экономическая область (90 из 226 актов; 39,8 %) при значимой доле финансов (36; 15,9 %). Абден К.Ж. специализируется на аграрной проблематике (61 из 176; 34,7 %), а Куспан А.С. демонстрирует наиболее равномерный профиль из всей выборки с заметным присутствием в законодательной и экономической областях.

Именно эти депутаты эмпирически соответствуют фигуре «критического актора» С. Чайлдс и М. Крук: содержательное влияние в «ресурсных» доменах (экономика, финансы, законодательство) производят не все женщины и не автоматически в силу их доли, а конкретные акторы, располагающие соответствующим ресурсом, знаниями и бэкграундом. Это наблюдение согласуется с выводом К. Брэттон о результативности женщин-токенов в асимметричных группах и подтверждает исходный тезис: между численной долей и содержательным результатом лежит третья, несводимая к присутствию величина - агентность.

При этом абсолютные лидеры по объему активности, Смирнова И.В. (328), Сагандыкова А.Б. (238) и Тау Н. (237), сохраняют доминирование социально-культурной темы (51,2%, 58,0 % и 48,5 % соответственно) даже при широком охвате прочих областей. Это указывает на то, что высокий объем деятельности сам по себе не тождествен тематической автономии: интенсивность и широта суть различные измерения агентности, и рост одного не гарантирует другого. Количественная продуктивность может воспроизводить гендерную специализацию в увеличенном масштабе.

Распределение запросов по предметным областям позволяет развести два темпоральных режима агентности Эмирбайера и Мише: концентрация в социально-культурной сфере воспроизводит итеративный режим - поддержание закреплённой за архетипом «Матери» ролевой идентичности во времени, тогда как выход в экономическую, финансовую и законодательную области фиксирует проективный режим - генерацию новых траекторий действия за пределами «женского» домена. Именно проективная агентность отличает «критических акторов» от статистического большинства и объясняет, почему влияние в «ресурсных» доменах производит не доля женщин как таковая, а конкретные акторы, располагающие соответствующим ресурсом и экспертизой (Еспаева, Абден, Куспан).

Полученные результаты позволяют вернуться к исследовательскому вопросу: при каких институциональных условиях присутствие конвертируется во влияние. Действующая с 2020 г. квота, закрепляющая не менее 30% мест в проходной части партийных списков для женщин, молодежи и (с 2022 г.) лиц с инвалидностью, обеспечивает вход в институт, но не распределение по «ресурсным» позициям. Будучи совокупной и не гарантирующей именно женского представительства, она сопровождается снижением

доли женщин в Мажилисе (с 27 % в 2021г. до примерно 18–19 % в 2024–2026гг.).

Концентрация женской законодательной активности в социальной сфере при точечном присутствии «критических акторов» в экономике и финансах свидетельствует о том, что «политика присутствия» А. Филлипс реализована частично: женщины вводят в повестку ранее игнорировавшиеся темы (социальная защита, семья, культура), однако переход к полномасштабной «политике идей» по всему спектру решений остается ограниченным субполитической сферой - неформальными правилами внутрипарламентского распределения ролей и доступа к ключевым комитетам.

Локализация ограничения по трем сферам Эриксон–Фрайденвалль показывает, что барьер лежит не в социальной сфере (женщины успешно входят в институт и вводят в повестку ранее игнорировавшиеся темы) и не в формально-политической (квота обеспечивает вход), а в субполитической - в неформальных правилах внутрипарламентского распределения ролей и доступа к ключевым комитетам. Именно здесь дескриптивное присутствие перестаёт конвертироваться в субстантивное представительство по всему полю решений, и именно на этот уровень должна быть направлена институциональная коррекция.

Заключение

Проведенный анализ подтверждает исходный тезис: между численной долей женщин в представительном органе и содержательным результатом их деятельности лежит несводимая к присутствию величина - политическая агентность. Численное присутствие выступает необходимым, но недостаточным ее условием. Теоретическая реконструкция показала, что переход от дескриптивного к субстантивному представительству не автоматичен: эффекты токенизма и логика критической массы объясняют, почему увеличение доли женщин само по себе не меняет содержания политики, а результат производят конкретные «критические акторы». Эмпирическая иллюстрация на материале запросов женщин-депутатов Мажилиса VIII созыва выявила выраженную тематическую асимметрию, концентрацию активности в социально-культурной сфере при точечном присутствии в «ресурсных» доменах, которая воспроизводит ролевую инкапсуляцию и локализует барьер в субполитической сфере: неформальных правилах распределения ролей и доступа к ключевым комитетам.

Эти выводы приобретают прямую практическую значимость в связи с изменениями в политической системе Казахстана. Конституционная реформа 2026 г. заменила двухпалатный Парламент однопалатным Курултаем, исключительно по партийным спискам сроком на пять лет. Принципиально, что квота инклюзивности сохранена в прежней логике: не менее 30% каждого партийного списка должны совокупно составлять женщины, молодёжь и лица с инвалидностью. Именно эта совокупность - центральная уязвимость с точки зрения полученных результатов: будучи агрегированной, квота не гарантирует именно женского представительства и тем более не регулирует распределение женщин по «ресурсным» позициям. Показательно, что экспертная дискуссия вокруг Курултая уже формулируется в терминах, воспроизводящих логику настоящего исследования: подлинная инклюзивность нового органа будет определяться не процентом женщин-депутатов, а их фактическим доступом к рычагам принятия решений - руководящим должностям, председательству в комитетах и фракциях. Тем самым выборы 23 августа 2026 г. становятся первым эмпирическим испытанием для однопалатной модели: воспроизведет ли она разрыв между присутствием и влиянием, зафиксированный в Мажилисе, или же новый дизайн создаст условия для его сокращения. Опираясь на полученные данные, можно утверждать, что сохраненная совокупная квота на входе оставляет нетронутым субполитический уровень, на котором и решается судьба агентности. Расширение политической субъектности женщин в Курултае потребует мер, адресованных именно этому уровню: закрепления за женщинами руководящих позиций и председательств в «ресурсных» комитетах, поддержки экспертной специализации и трансформации неформальных практик отбора. Перспективным направлением дальнейших исследований выступает сопоставительный анализ агентности женщин-депутатов Мажилиса VIII созыва и Курултая I созыва, позволяющий проверить, воспроизводится ли выявленная тематическая асимметрия в условиях нового институционального порядка

Финансирование. Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (AP22686622 Женщины в казахстанском политическом процессе: квотирование, гендерные стереотипы и паттерны поведения).

Список литературы

1. UN Women, Inter-Parliamentary Union. Women in Politics: 2025. Available via the link: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2025/03/women-in-politics-2025> (Accessed: 10.07.2026).
2. Kazakhstan's National Gender Policy: Reality and Challenges. Available via the link: <https://cabar.asia/en/kazakhstan-s-national-gender-policy-reality-and-challenges> (Accessed: 10.07.2026).
3. Leadership and Political Participation. Available via the link: <https://eca.unwomen.org/en/where-we-are/kazakhstan/leadership-and-political-participation> (Accessed: 10.07.2026).
4. Olzhabekova, T. (2025) "Kazakhstan's New Kurultai Elections: What the 30% Quota Could Mean for Women in Parliament", The Times of Central Asia. Available via the link: <https://timesca.com/kazakhstans-new-kurultai-elections-what-the-30-quota-could-mean-for-women-in-parliament/> (Accessed: 10.07.2026).
5. Pitkin, H.F. (1967) The Concept of Representation. Berkeley: University of California Press, p. 323.
6. Phillips, A. (1995) The Politics of Presence. Oxford: Clarendon Press, p. 209.
7. Kanter, R.M. (1977) "Some Effects of Proportions on Group Life: Skewed Sex Ratios and Responses to Token Women", American Journal of Sociology, 82, 5, pp. 965-990.
8. Айкенова, Д. (2025) «Архетипы в политическом восприятии женщин-депутатов Мажилиса Парламента РК», Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение Востоковедение. Тюркология, 153(4), стр. 21-32. <https://doi.org/10.32523/2616-6887-2025-153-4-21-32>
9. Dahlerup, D. (1988) "From a Small to a Large Minority: Women in Scandinavian Politics", Scandinavian Political Studies, 11, 4, pp. 275-298.
10. Dahlerup, D., Freidenvall, L. (2005) "Quotas as a «Fast Track» to Equal Representation for Women: Why Scandinavia is No Longer the Model", International Feminist Journal of Politics, 7, 1, pp. 26-48.
11. Childs, S., Krook, M.L. (2009) "Analysing Women's Substantive Representation: From Critical Mass to Critical Actors", Government and Opposition, 44, 2, pp. 125-145.
12. Bratton, K.A. (2005) "Critical Mass Theory Revisited: The Behavior and Success of Token Women in State Legislatures", Politics & Gender, 1, 1, pp. 97-125.
13. Giddens, A. (1984) The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, p. 402.
14. Emirbayer, M., Mische, A. (1998) "What Is Agency?", American Journal of Sociology, 103, 4, pp. 962-1023.
15. Kabeer, N. (1999) "Resources, Agency, Achievements: Reflections on the Measurement of Women's Empowerment", Development and Change, 30, 3, pp. 435-464.
16. Erikson, J., Freidenvall, L. (2026) "Making Sense of the Gendered Playing Field in Politics: A Typology of Gendered Institutional Constraints", Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. <https://doi.org/10.1093/sp/jxaf074>

Д.М. Айкенова

Астана халықаралық университеті, Астана, Қазақстан

(E-mail: aikenova.dina@gmail.com)

Әйелдердің саяси агенттігі: тұжырымдамалық негіздер мен жүзеге асырудың институционалдық жағдайлары

Аңдатпа. Қазіргі уақытта әйелдердің саясатқа қатысуы негізінен олардың билік органдарындағы сандық үлесі арқылы бағаланады, ал әйел-саясаткерлердің дербес актор ретінде әрекет ету, күн тәртібін қалыптастыру, одақтастар табу және шешім қабылдауға ықпал ету қабілеті талдаудан тыс қалып отыр. Алайда әйелдер өкілдігінің өкілді институттардағы сандық өсуі олардың нақты ықпалының автоматты түрде кеңеюімен ұштаспайды, ал дескриптивтік және субстантивтік өкілдік арасындағы алшақтық қысқаруын тоқтатты. Зерттеудің мақсаты – әйелдердің саяси агенттігі ұғымын жай ғана қатысуға саймайтын, сандық өкілдіктен мазмұндық өкілдікке өтуді делдалдайтын шама ретінде тұжырымдау және оның жүзеге асуының институционалдық жағдайларын Қазақстан материалы негізінде айқындау. Теориялық негізді Х. Питкиннің өкілдік типологиясы, А. Филлипстің «қатысу саясаты», Р. Кантердің токенизм тұжырымдамасы, сыни масса

мен сыни акторлар теориялары, сондай-ақ Э. Гидденс, М. Эмирбайер мен Э. Мише, Н. Кабирдің агенттікке қатысты пайымдаулары құрайды. Зерттеу әдісі – Қазақстан Республикасы Парламенті Мәжілісінің VIII шақырылымындағы 17 әйел-депутаттың заң шығару және бақылау қызметінің 1999 актісіне (депутаттық сауалдарына) жүргізілген, жеті пәндік салаға жіктелген контент-талдау. Нәтижелер айқын тақырыптық асимметрияны көрсетеді: белсенділіктің шамамен 45%-ы әлеуметтік-мәдени салада шоғырланған, ал дәстүрлі «еркектік» салаларды (экономика, қаржы, заңнама) тек жекелеген «сыни акторлар» ғана игереді; сонымен қатар белсенділік көлемі тақырыптық автономияға тең емес. Жиынтық 30 пайыздық квота әйелдердің институтқа кіруін қамтамасыз етеді, бірақ олардың негізгі позициялар бойынша бөлінуін қамтамасыз етпейді. Алынған тұжырымдар 2026 жылғы конституциялық реформаға байланысты ерекше маңызға ие болады: бұл реформа екіпалаталы Парламентті бірпалаталы Құрылтаймен алмастырды, ал 2026 жылғы 23 тамыздағы сайлау қарсаңында бұрынғы жиынтық квотаның сақталуы жаңа органда да қатысу мен ықпал арасындағы алшақтықтың қайталануын болжауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: саяси агенттік, гендерлік квоталар, әйелдердің саяси өкілдігі, саяси өзіндік тиімділік, дескриптивтік өкілдік, субстантивтік өкілдік, токенизм, рөлдік инкапсуляция, қатысу саясаты, гендерлік мамандану, ҚР Парламенті Мәжілісі.

D.M. Aikenova

Astana International University, Astana, Kazakhstan

(E-mail: aikenova.dina@gmail.com)

Landscape women's political agency: conceptual foundations and institutional conditions of its realization

Abstract. Women's participation in politics is today assessed primarily through their numerical share in government bodies, whereas the capacity of women politicians to act as autonomous agents, to set the agenda, build alliances, and influence decision-making, remains outside the scope of analysis. Yet the quantitative growth of women's presence in representative institutions is not accompanied by an automatic expansion of their actual influence, and the gap between descriptive and substantive representation has ceased to narrow. The aim of the study is to conceptualize the notion of women's political agency as a magnitude irreducible to presence, one that mediates the transition from numerical to substantive representation, and to identify the institutional conditions of its realization using the case of Kazakhstan. The theoretical framework draws on H. Pitkin's typology of representation, A. Phillips's "politics of presence," R. Kanter's concept of tokenism, the theories of critical mass and critical actors, as well as the treatments of agency in E. Giddens, M. Emirbayer and A. Mische, and N. Kabeer. The research method is a content analysis of 1,999 legislative and oversight acts (parliamentary deputy inquiries) of 17 women deputies of the Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan of the VIII convocation, classified into seven subject domains. The results reveal a pronounced thematic asymmetry: about 45% of activity is concentrated in the socio-cultural sphere, whereas the traditionally "male" domains (economy, finance, legislation) are taken up only by individual "critical actors"; at the same time, the volume of activity is not equivalent to thematic autonomy. The aggregate 30% quota secures women's entry into the institution but not their distribution across key positions. The findings acquire particular significance in light of the 2026 constitutional reform, which replaced the bicameral Parliament with a unicameral Kurultai: the retention of the previous aggregate quota ahead of the elections of 23 August 2026 makes it possible to predict the reproduction of the gap between presence and influence in the new body as well.

Keywords: political agency, gender quotas, women's political representation, political self-efficacy, descriptive representation, substantive representation, tokenism, role encapsulation, politics of presence, gender specialization, Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan.

References

1. UN Women, Inter-Parliamentary Union. Women in Politics: 2025. Available via the link: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2025/03/women-in-politics-2025> (Accessed: 10.07.2026).

-
2. Kazakhstan's National Gender Policy: Reality and Challenges. Available via the link: <https://cabar.asia/en/kazakhstan-s-national-gender-policy-reality-and-challenges> (Accessed: 10.07.2026).
 3. Leadership and Political Participation. Available via the link: <https://eca.unwomen.org/en/where-we-are/kazakhstan/leadership-and-political-participation> (Accessed: 10.07.2026).
 4. Olzhabekova, T. (2025) "Kazakhstan's New Kurultai Elections: What the 30% Quota Could Mean for Women in Parliament", The Times of Central Asia. Available via the link: <https://timesca.com/kazakhstans-new-kurultai-elections-what-the-30-quota-could-mean-for-women-in-parliament/> (Accessed: 10.07.2026).
 5. Pitkin, H.F. (1967) The Concept of Representation. Berkeley: University of California Press, p. 323.
 6. Phillips, A. (1995) The Politics of Presence. Oxford: Clarendon Press, p. 209.
 7. Kanter, R.M. (1977) "Some Effects of Proportions on Group Life: Skewed Sex Ratios and Responses to Token Women", American Journal of Sociology, 82, 5, pp. 965-990.
 8. Ajkenova, D. (2025) «Arhetipy v politicheskom vospriyatii zhenshhin-deputatov Mazhilisa Parlamenta RK», Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya: Politicheskie nauki. Regionovedenie. Vostokovedenie. Tjurkologija, 153(4), str. 21–32. <https://doi.org/10.32523/2616-6887-2025-153-4-21-32> [in Russian]
 9. Dahlerup, D. (1988) "From a Small to a Large Minority: Women in Scandinavian Politics", Scandinavian Political Studies, 11, 4, pp. 275–298.
 10. Dahlerup, D., Freidenvall, L. (2005) "Quotas as a «Fast Track» to Equal Representation for Women: Why Scandinavia is No Longer the Model", International Feminist Journal of Politics, 7, 1, pp. 26–48.
 11. Childs, S., Krook, M.L. (2009) "Analysing Women's Substantive Representation: From Critical Mass to Critical Actors", Government and Opposition, 44, 2, pp. 125–145.
 12. Bratton, K.A. (2005) "Critical Mass Theory Revisited: The Behavior and Success of Token Women in State Legislatures", Politics & Gender, 1, 1, pp. 97–125.
 13. Giddens, A. (1984) The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, p. 402.
 14. Emirbayer, M., Mische, A. (1998) "What Is Agency?", American Journal of Sociology, 103, 4, pp. 962–1023.
 15. Kabeer, N. (1999) "Resources, Agency, Achievements: Reflections on the Measurement of Women's Empowerment", Development and Change, 30, 3, pp. 435–464.
 16. Erikson, J., Freidenvall, L. (2026) "Making Sense of the Gendered Playing Field in Politics: A Typology of Gendered Institutional Constraints", Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. <https://doi.org/10.1093/sp/jxaf074>

Сведения об авторе:

Айкенова Д.М. – PhD, постдокторант, Астана халықаралық университеті, Астана, Қазақстан.

Айкенова Д.М. – PhD, постдокторант, Международный университет Астана, Астана, Казахстан.

Aikenova D.M. – PhD, postdoctorate, Astana International University, Astana, Kazakhstan.

Copyright: © 2026 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).